

* 6 ФЕВ 1970

● ГОДЫ
И ЛЮДИ

ЕГО ЗВЕЗДА

«Встал на ноги» — так говорят о ребенке, только научившемся ходить, о человеке, поднявшемся после тяжелой болезни, о молодом рабочем, впервые переступившем порог завода, — о тех, кто утверждает или утвердил себя в жизни.

Но я не слышал, чтобы это выражение применялось по отношению к актеру, тем более — к оперному. И все же узнав из афиши Московского Академического музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, что Вячеславу Осипову поручена партия Каварадосси в опере «Тоска», я обрадовался:

— Теперь Слава крепко встал на ноги!

Об артистических и вокальных данных нового талантливого солиста со временем напишут статьи и рецензии. А сегодня мне хочется рассказать о своеобразном пути Вячеслава Осипова на большую сцену.

Я сказал путь и задумался: когда же он начался?

Может, это случилось в пору увлечения ребятами «Тарзаном»? Однажды орава мальчишек, возвращаясь из клуба, оглашала окрестности подмосковной деревни Степановское нечеловеческими воплями. Подражая герою кинофильма, крикнул и Слава. Протяжный или перекрыл все голоса. Ребята удивленно посмотрели на приятеля:

— Ты как? Ты рунию по рту прикладывал?

Слава спрятал рунию в карманы и к всеобщему изумлению повторил клин.

После этого он частенько уходил в лес и по-тарзаньи кричал, пугая грибников и дачников. Ему доставлял удовольствие сам процесс извлечения звуков — ощущение эластичной, гибкой струи воздуха, вырывающейся из легких...

А может быть, он угадал свое призвание певца после фильма «Молодой Карузоз»?

Четыре вечера подряд этот фильм шел на экране сельского клуба, прозванного в народе «чудильником» за те фокусы, которые периодически проделывали кинемеханики с лентой. Слава не пропустил ни одного сеанса.

Возвращаясь домой, Слава уже на итальянском языке распевал песню «О, мое солнышко»...

Но, пожалуй, если быть точным, то решение стать профессиональным певцом сформировалось у Славы, когда его однажды прослушал известный артист, отдыхавший на даче вблизи деревни Степановское...

Я вижу улыбку читателя, который уже готов продолжить очерк.

Действительно, получается весьма типичная картина: в семье растет одаренный мальчишка, обращающий на себя внимание окружающих. Все помогают ему. Так почему бы этому дарованию не развиться в талант?

Возможно, что все оказалось бы так просто, если бы не од-

но «но». Это «но» отбросит наш рассказ назад, в 1947 год, когда Славе едва исполнилось девять лет.

Он не был вундеркиндом, и в этом возрасте даже не подозревал, что у него появится голос. Как все мальчуганы, он увлекался спортом, игрой в войну, только что отгремевшую. И вдруг страшная болезнь — полиомиелит с параличом ног в руки. Целый год, проведенный в постели, год, вычеркнутый из детства.

Когда Славе позволили сойти на пол, он не смог сделать и шага. Доктор объяснял маме, что только упорной тренировкой он сумеет починить своей воле непослушное тело.

Самая обыкновенная ходьба

В. ОСИПОВ

превратилась для Славы в тяжелую, изнуряющую работу. Передавался ли он по квартире, гулял ли на улице, шел ли в школу — вынужден был постоянно помнить о ногах, на деле усваивая сеченовскую формулу о том, что ходьба относится к движениям заученным, которые развиваются под влиянием мышечных способностей и воли.

Кстати, школа в то время находилась в восьми километрах от дома. Прежде чем войти в класс, Слава выжимал из себя пот и первый урок дремал за партой с молчаливого согласия учителя. Особенно тяжело дорога давалась зимой, когда приходилось торить в снегу тропинку. Чтобы не опоздать к звонку, он выходил из дома на два часа раньше других ребят.

Но эти обязательные шестнадцать километров в день оказались для Славы спасительными. Через несколько лет он настолько развил нарушенную болезнью гармоническую деятельность мышц, что уже не отставал от товарищей и даже решил заняться спортом.

Он выбрал бокс. Вернее, ему не пришлось выбирать. Про-

сто в деревне отдыхал кто-то из молодых боксеров, которому требовался напарник для тренировок. И Слава предложил себя.

Заработанный им в первый же день нокаут не отвратил его от бокса. Впоследствии Слава никогда не жалел, что остановился именно на этом виде спорта, который помог ему воспитать в себе мужество, решительность, укрепил руки и ноги, выработал молниеносную реакцию.

И тут я вновь хочу вернуться к тому моменту, когда окружающие поняли, что у Осипова есть талант. Все они в один голос убеждали его, что он должен петь. Слава уже не мог жить без песни. Он пел везде: по дороге в школу, на работе в колхозе, когда пас коров, помогая отцу. Славу волновало другое: сможет ли он со своим физическим дефектом стать профессиональным певцом? Суждения по этому поводу были противоречивые. Решающее слово принадлежало народному артисту СССР Алексею Петровичу Иванову и школьной учительнице пения Нине Петровне Олейниковой, мнение которой Слава особенно ценил.

Окрыленный поддержкой знаменитого артиста, он поехал сдавать экзамены в музыкальную школу при консерватории.

В коридорах училища, заткнув пальцами уши и склонившись над нотами, распевали абитуриенты.

— Осипов! — выкрикнули Славу. — Где ноты?

Нот у него не было.

— Что будете исполнять? — спросил концертмейстер.

— Русскую народную «Когда на почте служил ямщиком»... В выгоревшей рубашке с закатанными выше локтей рукавами, он предстал перед экзаменационной комиссией. Он чувствовал себя на сцене, словно на ринге. Он помнил: во время боя нельзя подавать вида, что боишься партнера. Опустил подбородок, глядя исподлобья в зал, сжал кулаки... и запел.

Когда Слава закончил песню, члены комиссии молчали, и он подумал, что провалился. Его отпустили, да еще проверив диапазон. И только за дверью по лицам абитуриентов он понял, что пел хорошо. А через несколько дней нашел свою фамилию в списках студентов.

Я не собираюсь рассказывать, как проходили годы учебы, как у Славы вдруг пропал голос в погоне снова объявился — еще более сильный и мелодичный... Опуху также и весьма важный для его творческой биографии период работы в Молодежном хоре под руководством профессора Г. М. Соловоя в в Московском центре, с бригадой которого он изъездил всю страну, выступая в колхозных клубах и в цехах заводов на пересменах.

Но с самого первого дня работы на эстраде ему хотелось

петь в театре. Не потому что театр — это храм. Просто он чувствовал, что полностью может раскрыться только на оперной сцене. Нередко, засыпая, он видел себя то в образе Хозе, то Каварадосси, Отелло... А поутру, выполняя специальные гимнастические упражнения для ног, гнал прочь несбыточные мечты.

И все же весной 1967 года, прочитав объявление о конкурсе в Московский Академический театр им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, он рискнул попробовать свои силы.

Вновь, как десять лет назад, Вячеслав стоял перед высокой комиссией. Только на этот раз он видел перед собой не жюри, а просто искушенную публику, которую надо было завоевать.

Исполнив заключительную арию Хозе, он посмотрел на притихшую комиссию, в ту минуту случилось то, чего Вячеслав больше всего боялся: он сделал неверный шаг, споткнулся — и все обратили внимание на его ноги.

Он готов был провалиться сквозь землю. Но директор театра Владимир Александрович Чайковский, по-отцовски обнимая его за плечи, ободрил:

— Не расстраивайтесь! Это будет незаметно...

Вячеслав потом долго обдумывал слова Владимира Александровича. Вряд ли тот имел в виду что-то из своих вокальными данными он компенсирует физический недостаток. Он, многоопытный театрал, конечно, знал, что публика ждет от оперного артиста гармонического сочетания и голоса, и пластики, и взгляда.

Вячеслав понял: надо снова учиться ходить.

Теперь все его время было поровну поделено между репетициями и гимнастикой. Он просит, чтобы приятель незаметно заснял его на улице, а потом, прокручивая пленку в замедленном темпе, анализирует каждый шаг.

И все-таки накануне премьеры «Тоски» Вячеслав волевался как никогда. Вместе с ним переживали и все мы — давнишние его почитатели.

Но Владимир Александрович Чайковский оказался прав: зритель не заметил, что Каварадосси на сцене чуть-чуть прихрамывает. Он — зритель — слышал талантливого певца и видел способного актера.

Заканчивая очерк, я задумался: а имею ли я право открывать доверенную мне тайну? Не повредит ли этот откровенный рассказ сценической карьере моего героя?

Нет, не повредит. Вячеслав Осипов крепко встал на ноги!

Б. ШУБИН.

Фото В. Мусинова.